Андрей Кузнецов, Ольга Сергеева

«Новые» технологии и «старые» люди: исследование опыта пользования компьютером у представителей третьего возраста

Andrei Kuznetsov, Olga Sergeeva. New Technologies and Old People: Inquiry of Computer Use by Third Age Representatives

Drawing on the in-depth interviews we consider characteristic features of computer experience of older people. Research was made within the theoretical frameworks of socio-constructivist studies of aging and technology studies. People of the third age have become interesting to technology studies in the wake of call to acknowledge active role of users and non-users in the construction of technologies and to take into account diversity of users. It is noted that the process of becoming user of PC in older people has reflexive character and an is associated with a number of difficulties. Relatives and peers play decisive role in engaging people of old generations into the PC worlds. We also analyze the effects of PC experience on the perception of everyday time and age, as well as how people of the third age attribute different meanings to PC as technical artifact.

Key-words: older people, studies of aging, personal computer, technology studies, users, relevant social groups, media

Он развернул куртку изнанкой к Ороло и показал пришитые под воротом ярлыки. Я узнал фирменную эмблему, которую последний раз видел десять лет назад, только ее с тех пор упростили. Под ней шла полоска из движущихся картинок.

— Кинаграммы. Они вытеснили логотипы.

Я почувствовал себя старым. Новое для меня чувство.

Нил Стивенсон «Анафем»

Kuznetsov Andrei — PhD in Sociology, Centre for Policy Analysis and Studies of Technologies (PAST-Centre) at Tomsk State University, sociology department at Volgograd State University. Scientific interests: actor-network theory, science and technology studies, media theory, mobilities research. E-mail: andrey.kuznetsov.29@gmail.com

Sergeeva Olga — PhD in Sociology, leading researcher at Sociology Institute of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). Scientific interests: sociology of media, sociology of everyday life, science and technology studies. E-mail: sergeyeva.olga@mail.ru

Введение: возраст и технологии

Возраст в социологии традиционно считался основанием для формирования предписанных статусов, почти или совсем не зависящих от усилий человека. Социологические исследования возраста вообще и пожилого возраста в частности сосредотачиваются, во-первых, на воспроизводстве социально-возрастной структуры, во-вторых, на социальных портретах когорт.

Работая над темой «возраст и технологии», мы развиваем обе сложившиеся логики социологического анализа. В пределах большой проблемно-тематической области о взаимосвязи возраста и технологии внимание фокусируется на пожилых пользователях компьютера. Действительно ли все совершенствующиеся технологии освобождают человека и поощряют равенство, или же они укрепляют социальные разногласия, в том числе и межпоколенные? Существует ли у определенных возрастных групп монополия на технологии? При этом наша ориентация на теоретическую перспективу исследований технологии позволяет увидеть, как технологии реконфигурируют границы внутри группы «пожилые люди», как происходит семиотическая дифференциация технических артефактов, меняются ощущения времени и возраста, преобразуются техники тела и самоидентификация человека в процессе его становления пользователем.

Наши выводы строятся на эмпирических данных, собранных в Волгоградской области в 2011–2012 гг., возраст информантов указан на 2011 год[1].

Знакомство с литературой, посвященной пожилым пользователям компьютера, позволяет обнаружить почти полное отсутствие русскоязычных публикаций по этой тематике, в то время как поток исследований, выходящих на английском языке, значителен. Среди отечественных авторов, работающих по теме «пожилой человек и компьютер», отметим прежде всего исследования социологов И. В. Трифоновой [Трифонова, 2006], А. А. Смолькина [Смоль-

1 Генеральную совокупность составили те, кто пользуется компьютером и находится в границах формального для России возраста старости, от 55 лет и старше. Сбор данных на первом этапе опирался на метод глубинного интервью (N=21), на втором — на метод стандартизированного интервью (N=192). Использовалась целенаправленная выборка и такие входы в поле, как: муниципальное учреждение «Клуб пожилых людей», ГУСО «Дзержинский комплексный центр социального обслуживания населения» и специализированные компьютерные курсы, организованные Централизованной библиотечной системой Волгограда. В статье используются только отрывки из глубинных интервью, где возраст информанта указан на 2011 г.

кин, 2009; Смолькин, 2012], Т. М. Кононыгиной [Кононыгина, 2001]. На этом круг авторов замыкается, хотя есть еще малодоступная для широкой публики депонированная рукопись С. В. Шиморина [Шиморин, 2011], тезисы Г. Г. Сорокина [Сорокин, 2008], в Интернете можно найти интересную публикацию историка и антрополога И. В. Утехина, читающего курс по антропологическим аспектам информационных технологий, а также материал руководителя проекта «Интернет-журнал „Третий возраст“» Б. Ф. Кондратова.

О степени разнообразия зарубежных исследований пожилых пользователей компьютера можно судить по обзору литературы, сделанному в 2005 г. новозеландскими авторами М. Ричардсон, С. К. Уивер, Т. Цорном [Richardson, Weaver, Zorn, 2005]. Они отмечают, что большое количество работ нацелено на изучение вклада компьютера в изменение качества жизни старшего поколения и отношения к нему, включая восприятие барьеров и выгод использования. Ранние американские исследования показывали, что компьютеры решают проблему изоляции пожилых, расширяют возможности социальных контактов [Czaja et al., 1993; White et al., 1999]. Несколько позже Т. Канаяма изучила онлайновые коммуникации пожилых японцев, обнаружив положительные стороны новых форм дружеского общения [Kanayama, 2003]. Освоение компьютера рассматривалось как способ повышения самооценки и уверенности в себе [Timmerman, 1998] и как путь улучшения межпоколенных отношений [Furlong, 1995]. Дж. Моррис выявил, что пожилые люди, владеющие компьютером и не боящиеся при необходимости им воспользоваться, чувствуют себя менее исключенными из технологизирующегося мира [Morris, 1994].

Исследования пожилых пользователей компьютеров, представленные в зарубежной литературе, с одной стороны, служат отправной точкой для понимания, как пожилые люди воспринимают компьютерную технологию, а с другой — обнаруживают определенные пробелы и предубеждения в сложившемся исследовательском поле.

Во-первых, ранние публикации по теме рисовали оптимистическую картину освоения компьютера людьми старших возрастных групп. Предполагалось, что использование новой технологии имеет только положительные результаты. Например, сторонники концепции информационного общества, ученые и политики, полагали, что развивающиеся информационные технологии освобождают людей от тяжелой работы, облегчают доступ к любой информации, разнообразят досуг, приводят к подлинному политическому участию. Следовательно, не освоившие компьютер или не заинтересованные в нем как основном инструменте новой эпохи отстают от жизни в современном мире. Такая исследовательская позиция совершен-

но не чувствительна к возможным пользовательским диапазонам освоения и применения компьютера, которые характерны, например, для пожилых пользователей. Люди третьего возраста, в отличие от представителей других возрастных групп, могут наделять компьютеры совсем иным значением и реализовывать иные пользовательские сценарии.

Во-вторых, большинство существующих исследований объясняет барьеры взаимодействия с техникой у старших пользователей как следствие возрастных изменений и физиологических проблем. При этом игнорируются дискурсивные и экзистенциальные условия, способствующие и/или препятствующие освоению компьютера людьми третьего возраста. Ощущается дефицит исследований, раскрывающих эмпирические детали превращения пожилого человека в пользователя компьютерной техники.

Будучи отнюдь не молодой технологией для молодых людей, компьютеры в последние годы являются технологией, которая открывается для пожилых. Однако именно человек третьего возраста оказывается невидимым пользователем, поскольку фактов о жизни с компьютером тех, кого мы относим к бабушкам и дедушкам, по-прежнему мало. Ситуация невидимости особенно актуальна для российских реалий, и данная публикация — попытка исправить ситуацию. В стремлении проявить опыт пожилых пользователей компьютера наше исследование черпает вдохновение из двух теоретических источников: 1) социология старости/старения; 2) исследования технологии. Обсуждению каждой из этих теоретических перспектив посвящены два следующих раздела статьи.

Социология старения/старости и техноэйджизм

В области социологии старения важными для данного исследования стали идеи критической геронтологии, вскрывающей социальное конструирование возрастных норм и ситуацию исключения пожилых из ряда общественных процессов. Старение — продукт механизмов клеточного изменения, но не менее важны социально принятые представления об этом процессе, являющиеся результатом действия культурных, социальных и экономических сил. Различные дискурсы — медицинский, политический, педагогический и др. — формируют наше отношение к тому, что значит стареть.

В условиях индустриально-развитого общества XX в. оформился хронологический подход к пониманию природы социальной старости. Он означает введение формализованного возрастного порога старости (например, в России 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин). Формально-возрастной подход к определению старости скрывает высокое разнообразие группы пожилых — людей очень разных

по своей социальной активности, работоспособности, здоровью и т. п. [Молевич, 2001, с. 62]. При этом применение нивелирующего хронологического определения приводит к нежелательной социальной трактовке пожилого возраста [Шапиро, 1980, с. 10]. В публичном дискурсе пожилой человек предстает как тот, кто уязвим, требует специальной защиты, кто не живет, а *доживает* и *выживает*. Можно говорить о модерной идеологии старения, в основании которой лежит представление о том, что возраст сопряжен с проблемами. Одно из проявлений эйджизма — дискриминация старших возрастных групп в процессе распространения технологий или, если использовать неологизм, техноэйджизм.

Стоит задуматься о взаимном влиянии эйджизма и развития технологий. Эйджизм играет важную роль в том, как разрабатываются, популяризируются и продвигаются новинки техники, что в свою очередь влияет на принятие технологий людьми старших возрастных групп. В то же время появляющиеся технологии могут рассматриваться как силы, способствующие ослаблению эйджизма.

Типичный эйджизм транслирует представление, что люди старших возрастных групп ограничены в средствах, недостаточно энергичны и консервативны, чтобы что-то менять в своей жизни и изменяться самим. Такие образы могут кардинально отличаться от представлений пожилых о себе, но они имеют большое значение для адаптации технологий в данной среде.

В ходе общенационального обследования в США было установлено, что технологии обычно разрабатываются и используются более молодыми людьми, при этом и маркетинг ориентирован отнюдь не на возрастные целевые группы [Technology for Adaptive Aging.., 2004]. При изучении социальных факторов в ходе проектирования и продвижения технологий старшие пользователи учитываются крайне редко. Чтобы оценить правомерность этих выводов для ситуации в России, вспомним, когда мы видели пожилых людей в рекламе персональных компьютеров или мобильных телефонов?

Бытовые эйджистские стереотипы могут создавать препятствия на пути пожилых, задумывающихся о новых пользовательских навыках. Как отмечают Р. Пью и С. Ван Хемель, «социальные ожидания могут стать главными барьерами в освоении новых технологий» [Ibid., p. 13].

Более позитивное представление о роли технологии указывает на ее потенциал в качестве инструмента сокращения эйджизма. Механизм, благодаря которому это могло бы происходить, состоит в работе технологии, выравнивающей поле игры и постепенно меняющей ее правила. Если технология позволяет стирать различия, которые являются основанием для исключения одних и вовлечения других, то стереотипные образы пожилых могут быть оспорены.

Социология старости/старения существенно усложняет наши представления о возрасте, однако предсказуемо упрощенно понимает развитие технологии. Чтобы избежать подобного дисбаланса в исследовании компьютерного опыта пожилых людей, мы обращаемся к теоретической перспективе исследований технологий.

Пожилые люди в перспективе исследований технологии

Исследования технологий (technology studies) — это междисциплинарное поле, возникшее в середине 1980-х на пересечении исследований науки (science studies) и социальной истории технологии (social history of technology, SHOT). Становление этой предметной области маркировано так называемым поворотом к технологии [Woolgar, 1991] в исследованиях науки и технологии (science and technology studies, STS). Самому повороту к технологии предшествовало открытие исследованиями науки технологического характера производства научного знания. Технологическое ноу-хау, *pistis*, было обнаружено в самом сердце *episteme*. Ученые оказались не только, а, может быть, и не столько мыслителями, сколько умелыми пользователями и настройщиками научного оборудования, искусными бриколерами и в некотором смысле даже изобретателями. Ввиду этого в STS возникает термин технонаука, указывающий на то, что между наукой и технологией существует неразрывный континуум практик.

Идея неразрывной связи науки и технологии открывает дорогу исследованиям технологии при помощи методов исследований науки. Истоком исследований технологий стал своеобразный интеллектуальный жест — применение методов более успешной и разработанной социологии научного знания в изучении содержания технологий, допустив при этом, что между наукой и технологией нет априорной границы. Основными агентами этого поворота стали два направления: 1) социальное конструирование технологии (social construction of technology, SCOT, В. Байкер, Т. Пинч) [Bijker, Pinch, 1984; Bijker, 1995]; 2) акторно-сетевая теория (actor-network theory, ANT, М. Каллон, Б. Латур, Дж. Ло) [Callon, 1979; Callon, 1987; Latour, 1991; Latour, 1996; Law, Callon, 1988].

Несмотря на постепенно усиливающиеся методологические различия между направлениями исследований технологий, можно констатировать, что с середины 1980-х по конец 1990-х в этой области преобладает изучение конструирования технологии на ранних этапах ее развития, т. е. проектирования и производства технологических артефактов [The Social Construction.., 1987; Shaping Technology.., 1992]. Типовыми объектами исследования в этот период являются проектные бюро, лаборатории, патенты, (радикальные)

инновационные проекты. Основными же агентами конструирования технологий предстают инженеры, разработчики, инвесторы и изобретатели.

Однако уже в конце 1990-х — начале 2000-х годов исследователи, ассоциирующие себя с данным полем, признают, что активное конструирование технологии происходит на стадии распространения и использования артефактов. Это признание оказывается предпосылкой к тому, чтобы совершить поворот к исследованию пользователей. В рамках этого поворота исследователей призывают отказаться от четкой границы между производством и потреблением, признать активную роль пользователей и непользователей как агентов конструирования технологии, учитывать множественность и разнообразие пользователей [Kline, Pinch, 1996; How users matter.., 2005]. Люди третьего возраста появляются на горизонте исследований технологий в качестве специфической группы пользователей персонального компьютера со своим характерным опытом освоения и присвоения данного комплекса технологических артефактов.

Эта группа пользователей компьютеров представляет исследовательский интерес как минимум по двум причинам. Во-первых, несмотря на то, что с момента официального провозглашения поворота к исследованию пользователей прошло уже 10 лет, пользователям третьего возраста по-прежнему уделяется мало внимания. Во-вторых, встреча пожилого человека и компьютера порождает своеобразный опыт, изучение которого обладает импликациями как для исследования технологий, так и для исследований старения.

Люди третьего возраста как пользователи персонального компьютера

Почему встреча компьютера и пожилого человека особенно интересна? Компьютер является эпитомой технологий в мире позднего капитализма [Williams, 2000, p. 646], примерно тем же, чем для викторианской эпохи были паровые машины. Сегодня (и повседневный, и научный) разговор о технологиях нередко ограничивается разговором о компьютерах (или цифровых технологиях). С одной стороны, это связано с исторической трансформацией содержания самого понятия «технология» в течении XX в. [Кузнецов, 2013], с другой — в социологической и философской литературе давно описаны механизмы натурализации продуктов человеческой деятельности (как в виде материальных объектов, так и в виде социальных отношений), когда они предстают как часть естественного порядка вещей, а не как результат искусной и искусственной изобретательности человека. Об этом (обычно в негативном регистре) говорят

в терминах отчуждения, фетишизма или реификации. Технологические артефакты имеют свойство выпадать из класса технологии, поскольку рутинизируются до статуса естественных элементов обстановки. Так, например, столы, стулья, паркет, стены университетской аудитории, будучи по существу технологическими артефактами, с меньшей вероятностью будут отнесены к технологиям, чем видеопроектор или компьютер. Поэтому, говоря сегодня «технологии», мы, как правило, подразумеваем новые технологии. Особое положение компьютерных технологий в современном мире обусловлено тем, что это область постоянных и заметных для пользователя обновлений. Компьютер больше других технологий сопротивляется рутинизации. Поэтому, даже учитывая знакомство пожилых людей с прежними формами компьютеров в своей профессиональной деятельности, освоение ими современного ПК, как правило, является новым опытом. Таким образом, встреча компьютера и пожилого человека — это столкновение, соединение и взаимодействие старого и нового опытов.

Почему представители третьего возраста — это особая группа пользователей? Процесс становления пожилых людей пользователями ПК обладает двумя характерными особенностями.

1. Это трудный процесс не только в смысле внешних оценок, отталкивающихся от психофизиологических особенностей старения, в частности снижения скорости обучения и затруднений в освоении нового. Трудность становления пользователем ПК для человека третьего возраста лишь отчасти связана с объективной, биологической логикой старения. Этот процесс труден также в том смысле, что сами информанты описывают свое превращение в пользователей компьютера как требующее труда и сталкивающееся с рядом сложностей.

«...Вот завтра уже последнее занятие, понедельник, среда, пятница, а я не успеваю [освоить], *хотя я тут целый день. Он* [преподаватель] *уходит, я говорю: „Я буду здесь, у меня дома нет компьютера“, он говорит: Да, тренируйся. Вот я посылаю отсюда письма ему, другим какому-то, ну, домашнее задание. А здесь я вижу, что сложности какие-то, то есть я не успеваю охватывать эту всю программу* [компьютерных курсов]. *[...] Я думал я вообще не научусь ничему, хоть чему-то научился, включать, выключать там, кнопки эти запомнил...»* (М. 68 лет).

«Потом они [дети] *мне выделили типа ноутбука, я там занималась, но тоже что-то непонятное, нужно спрашивать, а они сами заняты. Поэтому, конечно, у меня обучение шло очень трудно»* (Ж. 70 лет).

«Когда мышку начинала водить, вот руки дрожат, не туда попадаю, не так это, самое вот трудное было, где-то дня 2–3 со мной тренировались, но сейчас я смело уже включаю, навожу мышкой на нужную штуку и выхожу в сеть» (Ж. 71 год).

В этом смысле опыт использования компьютера людьми третьего возраста — это всегда результат испытания [Latour, 1988], борьбы и преодоления. Это также субъективно осмысленный опыт, который может быть схвачен в рефлексивной установке как четко очерченный опыт прошлого [Шюц, 2003, с. 5]. Это свойство компьютерного опыта пожилых людей и делает его пригодным для изучения при помощи метода глубинного или нарративного интервью. Применение этого метода к другим возрастным группам (детям, молодежи) предположительно будет менее продуктивным, поскольку для них тот же самый опыт, возможно, будет, по выражению Лейбница, иметь характер неразличимых и смешанных малых восприятий, которые воспринимаемы, но не апперцептивны, не поддаются воспоминанию и не могут быть схвачены в рефлексивной установке [Там же]. Из последнего вытекает вторая черта пожилых пользователей ПК.

2. Освоение компьютера людьми третьего возраста носит более рефлексивный характер в сравнении с аналогичным процессом в других возрастных группах. Поскольку освоение ПК, по признанию пожилых пользователей, связано с трудом и трудностями, то перед ними со всей отчетливостью встает выбор, становиться ли пользователем ПК или оставаться непользователем.

«Ну, дома компьютер у меня есть, но Интернета нет. Компьютер дети мне оставили, у них есть, а у меня пока не проводила. Вот внуки уже начинают: «Бабушка, надо через „Контакт“ хоть было выходить!». Я говорю: «По телефону пока давайте!» [смеется] *Вот разговариваем. Вроде так особо мне не надо»* (Ж. 62 года).

Превращение пожилого человека в пользователя ПК является результатом его сознательного и взвешенного выбора в большей степени, чем в случае других групп пользователей. Пожилые пользователи осваивают возможности компьютера избирательно, тщательно оценивая необходимость изучения той или иной функции. Таким образом, их компьютерный опыт является рефлексивным в двух аспектах. С одной стороны, он является воплощением рефлексивного использования собственного Я в текущих переживаниях, а с другой — результатом серии сознательных выборов, начиная с того, следует ли вообще становиться пользователем, и заканчивая отбором наиболее необходимых функций для освоения в условиях уже сложившегося образа жизни.

Эти особенности превращения пожилых людей в пользователей ПК позволяют артикулировать ряд аспектов функционирования компьютеров в повседневном домашнем контексте, которые в случае изучения других групп пользователей остались бы менее заметными. Ниже следует описание того, в чем заключается трудность и в чем проявляется рефлексивность превращения пожилого человека в пользователя ПК.

To use or not to use..?

Если философы иногда определяют опыт как результат испытаний, столкновения сил, то фигура пожилого человека, осваивающего компьютер, является одновременно тривиальной и яркой иллюстрацией этой философской идеи. Порог вхождения в мир пользователей ПК оказывается для пожилых людей настолько высоким, что многие так и остаются за его пределами. По группе людей третьего возраста проходит глубокий разлом вдоль оси пользователь/непользователь. Чтобы стать пользователем пожилому человеку надо преодолеть барьер, поэтому уместно задаться вопросом: что заставляет его преодолевать? Непользователей же уместно спросить: что не позволяет им преодолеть этот барьер или, точнее, что позволяет им его не преодолевать?

Начальный этап становления пользователем ПК пожилые люди описывают в терминах «необходимости» и «интереса». Среди «необходимостей» фигурируют профессиональная необходимость, необходимость сохранения социальной активности и человеческого достоинства, желание помочь родственникам, необходимость оперативного общения.

«Мне сейчас вот дети свой ноутбук отдали. Потому что жизнь идет. Надо же обязательно. Несмотря на то, что вот я плохо вижу, у меня +19 зрение... Я решила все-таки заняться компьютером. Потому что президентская программа будет, надо будет как-то общаться. Надо будет и в больницу и кругом. И скоро старость же... наступит. [смеется] *[...] Я вот только из-за этого. Из-за того что надо будет по состоянию здоровья... Надо будет с компьютером общаться. Чтобы никого не тревожить. Ни к кому не обращаться. Я из-за этого вот начала более-менее подробно осваивать компьютер»* (Ж. 63 года).

«При подготовке диссертационной работы мы разрабатывали с научным руководителем [фамилия] *математическую модель. И при ее разработке уже не стало хватать Basic, вот, пришлось освоить язык программирования „Си“.* [...] *Нет* [страницы в социальной сети]. *Да нет необходимости, потому что многие мои ровесники, в общем-то мало общаются с компьютерами, все по привычке так, пишут письма, если есть. Поэтому я даже не искал никого»* (М. 70 лет).

«Почему я компьютером стала заниматься, ну как это так я учитель физики и не буду знать хотя бы азы работы с компьютером и вообще новые технологии, которыми можно пользоваться в своей работе. [...] В моем случае это то, что я работала, и то, что я учитель физики, у меня чувство собственного достоинства — как это я не буду знать, дети знают, а я нет» (Ж. 75 лет).

«Компьютер мне нужен по работе, поэтому чтобы как-то удержаться на рабочем месте, я решила его освоить. И в том числе чтобы более плодотворно заполнить время свое свободное» (Ж. 55 лет).

Среди «интересов» выделяются поисковый интерес к новой информации и новостям, интерес к восстановлению утраченной информации или восстановлению старого опыта, интерес к восстановлению старых социальных связей.

«Дома пользуюсь при приготовлении, предположим, каких-то блюд, при подготовке ко дню рождения, к празднику. Посмотришь, какие салаты там. Если начинаю читать книгу, то я выйду на автора, мне интересно прочитать о нем. Если посмотрю какой-то фильм, я тоже ищу. Или до фильма. Тоже мне интересно» (*Ж.* 65 лет).

«Вы знаете, у меня не было интереса тогда, потому что он все время был занят… […] Оно и сейчас я могу обходиться без этого. Но я пришла просто в новое время, я думаю, что у меня появилось больше времени и интерес появился больше» (Ж. 63 года).

В осмыслении того, как пожилые люди преодолевают первичный порог между пользователем и непользователем ПК, перспективным представляется обращение к трактовке понятия «интерес» М. Каллоном. Он переопределяет *«interest»* как *«inter-esse»*, т. е. как нечто, находящееся между двумя сущностями, между актором и его целями [Callon, 1986, p. 208]. Эта интерпретация уводит нас в сторону от идеи интереса как внимания к жизни, характеризующегося «специфическим напряжением сознания» [Шюц, 2003, с. 6]. Трактовка Каллона приводит нас к образу актора, зажатого между двумя разнонаправленными силами и заинтересованного в третьей, чтобы разрешить это напряжение. Актор оказывается в ситуации, когда он не может продолжать делать то, что делал раньше, иначе говоря, не может следовать привычной дорогой, не обратившись за помощью к другой силе (в нашем случае компьютеру), которая, таким образом, становится для него не-обходимой. В таком случае понятия интереса и необходимости сближаются и указывают на наличие не только смысловой, но и экзистенциальной связи и напряжения между новым и старым опытом, обусловливающей обращение к компьютеру. Освоение компьютера начинается, как только компьютерный опыт обретает смысловую и экзистенциальную релевантность повседневному опыту.

Пытаясь ответить на вопрос, использовать или не использовать ПК, можно предположить, что преодолевать входной барьер в мир пользователей пожилых людей заставляет экзистенциальная ситуация, в которой компьютер оказывается не столько объектом любознательности, сколько не-обходимым пунктом следования для достижения тех или иных жизненных целей. В эту ситуацию потенциальных пользователей третьего возраста могут поместить либо другие, ставя их перед выбором или/или, либо они могут сконструировать ее сами, признавая неиспользование компьютера в качестве препятствия на их жизненном пути. В свою оче-

редь ситуация, когда другие не создают необходимого экзистенциального напряжения, а «старики» сами не конструируют его посредством распознавания и признания компьютера в качестве необходимости, позволяет им оставаться непользователями компьютера.

«Я любила читать. Потом пришло время, когда зрение у меня сильно стало падать... И я, короче, без чтения не могла. Как быть? Во-первых, это одна причина, что я была отлучена от книг. Читать с лупой — это, конечно, не то. Во-вторых, как учитель физики, слушая [название радиостанции], *где все на компьютерах и в компьютерных терминах, мне это страшно задевало самолюбие, что я как баран ничего не понимаю. Поэтому постепенно у меня вызревала мысль, что надо купить компьютер. Тем более что я живу одна, общаться мне по телефону, и все, больше некуда, телевизор... я особенно не гляжу»* (Ж. 75 лет).

«Один нам вот поставили [компьютер]*. И вот тогда впервые нам какой-то мальчик, студент от физиков что-то показал. Ну, он показал все это хорошо, но применять же это надо, и чтоб все это закреплялось, надо все-таки работать на этих программах. А как таковых программ нет, он нам просто азы показал, как это можно. Я нашла какую-то программу для бухгалтера, это мне зять подсказал... Ничего я не понимаю, ну хоть посмотрю, как это работает. И вот я помню, поставила эту программу, она мне совсем не нужна, ну, просто интересно, потому что стоит компьютер, мне на нем делать нечего»* (Ж. 65 лет).

«Да, они [знакомые сверстники] *пользуются и активно заставляют меня, но я не прыгала раньше ... Что меня заставлять, если пока такой активной нужды не было»* (Ж. 56 лет).

Исследование группы пожилых людей указывает на то, что в случае других возрастных групп осталось бы незаметным, а именно, что процесс становления пользователем компьютера является следствием проблематизации жизненной ситуации непользователя человеческими или нечеловеческими сущностями, следствием напряжения между ними. Процесс становится скорее проблемой (а не ее решением), которую пока-еще-не-пользователь готов признать и мобилизовать ресурсы и силы для ее решения. Многократно отмечаемое исследователями старения выпадение «стариков» из активной социальной жизни делает эту проблему видимой [Шапиро, 1980; Technology for Adaptive Aging.., 2004]. Наглядность этой проблемы в случае пожилых людей позволяет предположить, что условием использования потенциально любого технологического артефакта является проблематизация прежней программы действия/существования пока-еще-не-пользователя. Не-пользователь в ответ на эту проблематизацию может в свою очередь как принять на себя риск вовлечения в мир пользователей, так и принять риск игнорирования проблемы.

Проводники

Важную роль в становлении пользователем ПК играет наличие проводника: родственника, коллеги, знакомого — человека, способного дать консультацию и обучить пользоваться компьютером.

«Помогал этот, [имя родственницы] муж. *[...] Приходил ко мне и там кое-чему учил, показывал. Он к этому времени уже был крупный специалист. Вот он помогал мне, рассказывал как, что к чему, до деталей я сейчас уже не помню, но он помогал мне. Много раз приходил, мы в представительстве подолгу сидели, чуть ли не это, чуть не до двенадцати ночи. Он мне все рассказывал как, что делать»* (М. 73 года).

«В *основном, конечно, дочка обучала, жена. Потому что жена сейчас работает, она в любом случае с компьютером работает»* (М. 61 год).

«Помогали здесь вот ребята, которые работали. Когда какие-то вопросы были, они мне дали пособие, я в пособии разбиралась. Что не понятно было — спрашивала, мне там говорили, показывали» (Ж. 62 года).

«Я против была компьютера, против интернета и не хотела даже этим заниматься, но они мне провели, сказали: Смотри. Это такой большой мир, вот, вникай в него, смотри и учись» (Ж. 70 лет).

Отсутствие проводников в мир пользователей ПК демобилизует пожилых, и они склонны оставаться непользователями. В связи с этим информанты отмечают трудность формального самообучения или дистанционного обучения.

«Он [преподаватель компьютерных курсов] *пособия дает напечатанные, но дело в том, что на этом компьютере я, допустим, научилась что-то делать, а домой я пришла у меня другая система... И я домой пришла я, допустим, открыла новую папку, а как, откуда взять материал и как туда поместить я пока не знаю. Здесь я знаю, здесь дается материал, который я могу передвинуть, переместить, переименовать и т. д., сделать новый какой-то файл и его озаглавить, а дома я этого сделать не могу»* (Ж. 70 лет).

«Я пыталась работать с самоучителем, но с самоучителем мне язык не понятен был, мне нужен был кто-то, чтобы показал» (Ж. 75 лет).

Когда проводник имеется, то следует принять во внимание, что становление пожилого человека пользователем ПК может быть как мотивировано общением с другим поколением в семье или сверстниками, так и опосредовано таким общением. Кроме того, иногда в своих нарративах информанты сами выступают в роли таких проводников. Это говорит о потенциале, которым обладают пожилые в компьютерном обучении сверстников.

«Они [сверстники] даже совсем не выходят [в Интернет], *потому что у них нет компьютера. [...] Одноклассник мой отвечает: „Недавно встретил там того-то". Я говорю: «Ну а что ж они, давай их тоже в наш круг введем». Да у них нет компьютера. У этого нет, у того нет. И я даже уже поня-*

ла, как мне найти моих одноклассников: я старалась выходить на их детей, если знала. [...] Своих сослуживцев я уже не ищу, их страницы, а сразу ищу их детей, и это чаще срабатывает». (Ж. 65 лет)

«Я свою подругу... учу: Сфотографируй! Там должен быть шнурок, присоедини вот туда. Что ж ты мне фотографии не шлешь? [смеется] *Сын все-таки артачится, и вот я ее как могу, что сама умею вот».* (Ж. 65 лет).

«У меня соседка, она моего возраста, придет: „Ой, ты чего возле него сидишь, чего ты там смотришь все в него?!", хотя у нее внучка и компьютер дома тоже есть. Я говорю: „Ну, ты б села...". — „Да нууу, с чего бы я села за него!". Я говорю: «Ну, там можно и новости почитать и сплетни можно почитать всякие про звезд наших». — «Нее, нее, я лучше в церковь»» (Ж. 75 лет).

Вовлечение пожилых в мир ПК сверстниками особенно важно, если учесть моральный аспект обучения старших младшими. С одной стороны, когда в роли проводника выступают представители младших поколений (дети или внуки), тогда нарушается житейская максима «младшие не учат старших». Нарушение этой максимы явно или неявно ставит вопрос о человеческом достоинстве пожилого человека. С другой стороны — поскольку «старики» проблематизируют опыт становления пользователем ПК в большей степени и иначе, чем это делают другие возрастные группы, постольку младшие проводники отказываются инвестировать свои временные и эмоциональные ресурсы в их обучение.

«Компьютер есть, но дети такие противные — не учат [смеется]*. Злятся, „ничего не понимаешь", кричат. Вот такие дети. И это не одна ее семья. Мы вызываем раздражение у своих детей, потому что не так быстро усваиваем все. А что?! Мы начали осваивать компьютер уже в пенсионном возрасте. В пенсионном возрасте вот так вот хорошо я взяла его в руки. А их очень это раздражает.* [...] *Ну и у подруги так. У меня-то еще дочка, это помягче. А у нее, у моей подруги, сын. Так он, конечно, там нервничает. Ему некогда, а тут мама пристает «Как? Научи»»* (Ж. 65 лет).

Пожилые люди и «пожилая» техника

Параллельно поколенческой дифференциации в сообществе людей существует поколенческая дифференциация среди технических устройств. Наше исследование показало, что пожилые люди нередко осваивают «пожилые» ПК за счет фильтрации старой техники от детей к родителям или в результате доместикации списанных на работе устройств. Ограниченная функциональность или частичная дисфункциональность вследствие морального устаревания ПК также может создавать барьеры на пути становления пользователями людей третьего возраста.

«Если касаться компьютера, то, конечно, не мы вот, старшее поколение приобретали, а вот та же дочь старшая и младшая. Уж не помню, кто первый, вот они. И по мере обновления своей техники стали они компьютеры нам отдавать» (М. 61 год).

«Ну, дома компьютер у меня есть, но интернета нет. Компьютер дети мне оставили, у них есть, а у меня пока не проводила» (Ж. 62 года).

«Значит, связано было появление [компьютера] *с ликвидацией представительства болгарского. Я когда болгар спросил, что делать с техникой [...], они говорят [...]. Что хочешь, то и делай. Я говорю, а компьютер? Да какой, говорят компьютер? Это уже не компьютер. За это время уже, говорят, уже этот, как его, пентиумы пошли. Уже пентиум второй, по-моему, был. Уже, да, второй уже был пентиум. Вот. Так что, говорит, что хочешь с ним делай, хоть на помойку вынеси и брось. Ну, я думаю, зачем на помойку? Взял себе»* (М. 73 года).

«Страх», время и рефлексивность

Помимо вышеописанных входных барьеров границу между пользователями и непользователями ПК патрулирует страх[1]. «Страх» перед сложностью ПК, «страх» сломать, иногда проецируемый из прошлого опыта работы с большими машинами, «страх» неопределенности и неудачи в освоении. Преодоление барьера связано с преодолением «страха».

«И когда на работе появился компьютер и начали обучать, то нам сказали, что если вы поломаете, не туда нажмете, то вы будете выплачивать из зарплаты. [...] Вот этот „страх" вот у меня засел, что я не на ту кнопку нажму, что что-то я не так сделаю» (Ж. 63 года).

«Ну, здесь же [на работе] ребята, вижу... это не так страшно все» (Ж. 62 года).

«Вот этот „страх", что ты не сумеешь овладеть, он, наверно, и не допускает людей нашего возраста многих именно заниматься компьютером. Вот надо как-то заинтересовать человека, чтобы он сел за компьютер нужно, нужна какая-то очень веская причина» (Ж. 75 лет).

«И для меня это было так страшно (действия за компьютером), что я лучше бы все вручную делала. Мне говорили: ой, да тут ничего страшного нет, а я: как это ничего страшного нет?» (Ж. 55 лет).

«Страх» объединяет два аспекта компьютерного опыта «стариков»: трудность и рефлексивность.

1 «Страх» здесь и далее отсылает не к психологии пользователей, но является акторским понятием, тематизирующим риски становления пользователем ПК.

Когда порог между пользователем и непользователем оказывается пройденным и пожилой человек вовлекается в процесс освоения компьютера, «страх» не исчезает, но лишь меняет свою форму. Пожилые артикулировано переживают трудно контролируемую трату времени в ходе использования ПК. «Страх» потерять время, не заметить его течения — тема, регулярно возникающая в нарративах информантов.

«Много, много времени отнимает. Потому что интересы растут, информации добавляется. Кроме того, что ты хотел посмотреть, тебе предлагают параллельно еще что-то. Конечно, соблазняешься. Еще куда-то щелк, щелк, щелк. И так посмотришь потом, сколько ты просидел и думаешь: о-о!» (Ж. 65 лет).

«Да, выходишь в Интернет, чтоб посмотреть погоду, а тут столько новостей, поэтому погоду посмотреть полминуты, и застрял в этих новостях, может быть, на час, все смотришь» (М. 70 лет).

«Социальные сети, они затягивают здорово, и время летит очень быстро за компьютером... очень быстро, а мне хочется другими какими-то делами заняться» (Ж. 75 лет).

Ощущение пожилыми пользователями времени, которое они проводят за компьютером как «утечки», мы полагаем, можно обозначить понятием «развеществление» (disembodiment). В этом случае в стабильный дневной режим привычных дел добавляется экстрадеятельность. Как пишут исследователи Дж. П. Робинсон и М. Кестенбаум [Robinson, Kestnbaum, 2003, p. 789], Интернет, с одной стороны, позволяет выполнять существовавшее раньше действия новыми способами (общение, покупки, работа и т. д.), что изменяет объем временных затрат. С другой стороны, Интернет-деятельность является новым видом активности, отнимающей не только минуты, но и часы. Поэтому в целом темпоритм новой технологии вызывает ощущение неустойчивого развеществленного времени.

Взаимосвязь «страха» и переживания времени возникает, правда, в другом разрезе, в контексте интернет-коммуникации. Представители третьего возраста отмечают «страх» неопределенности и контактов с незнакомыми людьми в процессе общения онлайн, боязнь увидеть и прочитать что-либо, чего они не хотят видеть или читать. В то же время пожилые умеют ограничить себя, определяют трату времени как проблему и пытаются с ней справиться. В этом проявляется рефлексивный аспект их компьютерного опыта. С одной стороны, «старики» рефлексируют как собственный опыт использования ПК, так и наблюдают и сравнивают использование компьютера другими возрастными группами. Референтной группой здесь выступают дети.

«У него [внука] *другие совершенно игры....Но он иногда садится в „Дьявола" играть. А так у него это вот, гонки, значит, на машинах, стрельба*

друг в друга. Он сидит сейчас, вот даже там сидит, я с ним вот тут почти полмесяца жил там у них. Он сидит до двух часов ночи, иногда до трех. Значит там с этими в Интернете... Да, компанией. [...] В общем, там целые армейские операции разыгрываются. [...] У меня как, я.... Нет определенного времени, чтоб прям точно, что вот в это время. Нет. Просто если уж совсем делать нечего, ну тогда сяду, карточные игры пройду некоторые, потом значит в «Дьявола» поиграю до первого убийства, кончаю. Я не фанатичный игрок. Без фанатизма» (М. 73 года).

«Захватывает, да, затягивает, захватывает [о компьютерных играх]*. И поэтому я уже ругаюсь с ними* [внуками]*, что вот так вот сели. Это не оторвать вот, не то, что ругаю, понимаю сама, сама такая же была, когда начинала»* (Ж. 62 года).

«Единственное вот что плохо... вот я с внуками, они стали меньше бегать, вот как-то заниматься. Вот эту проблему как решать? Вот я поняла, что оно затягивает, да, согласна с этим. Время летит незаметно и очень быстро» (Ж. 62 года).

«Они [дети] *не умеют контролировать время, сколько надо им сидеть за компьютером и надо ли целый день сидеть, или ты выполнил работу и сумей оторваться от него и займись другим вопросом вот. Получается так, что он вот (я по своим внукам сужу) сделал то, что необходимо, потом тут же переключается на игры... Почему и много детей страдают и ожирением, и малоподвижный образ жизни ведут. Я часто наблюдала у нас вот здесь бегают ребята, вот по этой дороге, эстафеты проводят районные. И в этом году меня удивило, я посмотрела дети-то бегать не умеют, а ведь сюда приходят ребятишки те, которые показывают лучший результат в школе. Вот как старички, вот согнувшись или как, ну не понятно»* (Ж. 75 лет).

Наблюдая за тем, как дети поглощены виртуальным миром компьютера, как они неконтролируемо тратят время, пожилые распознают риски использования ПК и на фоне этого пытаются ограничить свое вовлечение.

С другой стороны, рефлексивность компьютерного опыта пожилых является следствием столкновения и установления связей между старым и новым, прежними и текущими испытаниями сил. По мере становления пользователем ПК устанавливаются связь, напряжение, взаимодействие между старым и новым опытом.

Встреча старого и нового опыта может обретать разные формы.

1. Конфликт. Время онлайн и оффлайн противостоят друг другу, когда работа за ПК отнимает время у привычных дел и занятий.

«Мне уже внучка говорит: Давай вот проведешь Интернет и скайп, будем с тобой общаться. Я говорю: Подожди немножко, не сразу все [смеется]*. [...] Ну, вот сейчас, говорю, да у меня как-то времени особо сейчас. Я удивляюсь, конечно, раньше я как-то быстрее все делала, успевала, а сейчас, не знаю,*

или с возрастом связано или копуша такая стала. Я пока прихожу домой, что-то дела такие вот поделала, время уже ночь» (Ж. 62 года).

«Будет больше времени, будут у меня уже мысли только о компьютере, а то я сижу у компьютера, а у меня мысли о работе» (Ж. 71 год).

2. Старый опыт может выступать рамкой осмысления нового опыта, когда, например, Интернет становится разновидностью прессы.

«Говорят, что вот компьютер — это та же пресса... Сразу захожу в гугл, включаю новости. Ну, просто мне интересно знать хотя бы текущий день. Новости читаю вообще постоянно, читаю именно вот через компьютер» (Ж. 65 лет).

3. Новый опыт использования ПК может служить условием доступа к элементам старого опыта. Наиболее ярко это проявляется в поиске старых друзей, сослуживцев, коллег, в размещении на своих персональных страницах в социальных сетях старых фотографий, аудиозаписей, фильмов или поиске книг, которые некогда были у информантов.

«В Интернете разыскиваю своих земляков, я уже нашла, в Америке нашла три семьи, с ними переписывалась. Ну, пока писать особо нечего, поэтому вот. Потом, значит, вот в Израиле две семьи оказались нашими соседями, где мы проживали» (Ж. 71 год).

«Мне сейчас нужен был задачник по физике, он издавался очень давно, и у меня его не было, я не могла его нигде в магазинах найти, а в Интернете я его нашла» (Ж. 75 лет).

Борьба медиа

В некотором отношении встреча старого и нового опыта может быть представлена как столкновение старых и новых медиа. В компьютерном опыте пожилых это ярко проявляется во взаимодействии бумажных и электронных медиа. Такое взаимодействие может принимать вид сочетания, когда алгоритмы операций на ПК записываются на бумаге, или замещения, когда переписка по электронной почте вытесняет обмен бумажными письмами.

«То, чем я пользуюсь, на бумажке сначала записывал себе действия, специальный блокнотик у меня есть, там записывал все, а сейчас он мне не нужен, а какие-то вот другие я не хочу для себя открывать, там еще что-то есть. [...] Да, я предпочитаю писать на бумаге, конечно, а там [в компьютере] *просто пользоваться, механически перенести, распечатать, или там сохранить на диске, там, на флешке»* (М. 61 год).

«А когда я беру ручку и карандаш и говорю „Ань, подожди, я сейчас запишу". «Ни в коем случае! Не бери ручку! Ты должна просто понять». Я говорю, да я вроде понимаю, но из-за того, что я редко пользуюсь, я даже первый шаг забываю. С чего там надо начать. Дай мне записать. А она у меня — «ни в коем случае не бери»» (Ж. 65 лет).

«Свою подругу в Калуге, с которой вместе в институте училась. Она мне все время писала письма, буквально вот до прошлого года... на бумажных носителях, в конвертиках [смеется]. *Она пишет, а мне вот лень. Я уже знаю, что я могу этим пользоваться, и мне уже как-то писать на бумаге не хочется. Я ей говорю: Ну, это настолько оперативно, быстрее все, ну, давай! [...] Мы по электронной почте теперь через день обязательно выходим»* (Ж. 65 лет).

«Вот у меня друг остался в Тольятти, так мы с ним переписываемся. Вначале так, бумажные письма, а теперь уже по электронной почте» (М. 70 лет).

Если сохранить этот угол зрения и принять во внимание программный тезис санкт-петербургской школы медиафилософии «Медиа внутри нас» [Савчук, 2012], то можно сделать любопытные предположения о природе рефлексивности компьютерного опыта людей третьего возраста.

Речь идет не о врожденных медиа по аналогии с тезисом о врожденных идеях. Речь идет об артикуляции тела человека в процессе освоения медиа, понимаемых внутри этого процесса лишь как средства, подлежащие использованию. В результате этой артикуляции генерируются элементы опыта в качестве испытания сил различных медиа. Мы (пожилые, разумеется, часть этого «мы») — арена взаимодействия, сотрудничества, борьбы медиа между собой.

Это позволяет уйти от обозначившейся было в тексте идеи, будто описанные выше рефлексивность и трудность компьютерного опыта пожилых людей являются производными от внутренних способностей возрастной группы как таковой. Рефлексивность, будучи важной компетенцией «стариков», позволяющей вскрыть неявные риски становления пользователем ПК, тем не менее, является следствием противодействия через них других сил. Отказ от вовлечения в виртуальные миры — это не неспособность пожилых людей к деятельности, но способность *не делать что-либо,* не поддаваться азарту, способность проводить границу, срезать поток практик. И если они и способны не заражаться электронными, компьютерными медиа, то только потому, что они уже инфицированы другими медиа.

Смысловая релевантность ПК для пожилого человека

Вибе Бейкер и Трэвор Пинч — представители одного из направлений исследований технологий — социального конструирования технологии — предложили понятие релевантной социальной группы, которое важно для понимания процесса конструировании технологических артефактов [Bijker, Pinch, 1984, p. 414]. Релевантная социальная группа — это группа, деятельность которой и то значение, которое она придает тому или иному артефакту, релевантны

процессу его конструирования. Релевантные социальные группы конституированы тем, что все ее члены разделяют одно и то же значение артефакта. Поскольку данное исследование посвящено не анализу социального конструирования компьютера, а опыту освоения компьютера людьми третьего возраста, нас интересует не то, каким образом потенциальная группа пожилых пользователей оказалась (и оказалась ли?) релевантна созданию новой технологии, но то, какие значения эта группа атрибутирует уже готовому артефакту, предлагаемому на рынке «как есть». Важным для нас является тот аспект, что при определении релевантной социальной группы мы прежде всего должны спросить: имеет ли исследуемый артефакт вообще значение для членов этой группы?

Выше отмечалось, что освоение компьютера начинается тогда, когда компьютерный опыт обретает смысловую и экзистенциальную релевантность повседневному опыту. Компьютер как технологический артефакт обретает значение для группы пожилых пользователей, когда актуальный или потенциальный опыт его освоения оказывается связан с элементами прежнего опыта и тем самым вписывается в экзистенциальные программы группы. Без этой связи ПК остается для пожилого непользователя бессмысленным объектом. Поэтому даже при наличии компьютера в семье пожилые люди его не осваивают. Кроме того, иррелевантность потенциального компьютерного опыта актуальному повседневному опыту демотивирует пожилых людей покупать компьютер, учитывая их зачастую ограниченную покупательную способность.

До сих пор могло показаться, что «старики» являются гомогенной группой, наделяющей ПК одинаковым, общим для всех значением. Однако это не так. Понятие релевантной социальной группы как раз позволяет показать внутреннюю семиотическую дифференциацию этой социально-демографической группы.

Часть информантов в описаниях своего компьютерного опыта не проводит четкого различия между компьютером и Интернетом. Для них компьютер — это всегда компьютер-подключенный-к-Интернету.

«Мне мои дети подарили Интернет, отдали свой старый компьютер, на котором они там работали, занимались и подарили Интернет. [...] А компьютер стоит четыреста пятьдесят рублей в месяц, и мне нужно платить вот за компьютер, за телефон, за обычный телефон» (Ж. 70 лет).

Такой компьютер-интернет может быть как информационным акселератором, так и коммуникативным медиумом. При этом подчеркивается отсутствие развлекательного аспекта в значении ПК. Развлекательное значение ПК приписывается группе детей и с ним связываются негативные аспекты его воздействия. Таким образом, «старики», атрибутируя то или иное значение артефакту, описыва-

ют не только свою группу, но и другие релевантные компьютерному опыту группы, артикулируя те значения, которые в их перспективе этот артефакт имеет для данных групп.

Другая часть пользователей фокусируется исключительно на профессиональном значении артефакта, для них ПК — это изолированная рабочая станция. Для некоторых же пользователей домашний компьютер выступает преимущественно как игровой аппарат. При этом в обоих случаях отвергается (или не замечается) коммуникативное значение ПК. Следует, однако, заметить, что компоненты этих значений могут как ассоциироваться, так и диссоциироваться.

«А вот недавно опять сын принес компьютер, я только игры осваивала, все. Я никогда не работала на компьютере и не знаю, как с ним обращаться. Вот мне сделали игры, шахматы, в „дурочка" вот, в этот (пауза) «балду». [...] Нет, *Интернетом не пользуюсь никогда. Даже желания нет почему-то»* (Ж. 60 лет).

Смысловые доминанты в рассказах информантов, возможно, связаны с рефлексивной избирательностью пожилых в освоении функций ПК. Логика «интереса» и «необходимости», о которой говорилось выше, сохраняется и после преодоления пожилыми входного барьера в мир пользователей ПК. Отказ использовать те или иные функции или программы, четкое разделение функций на основные и неосновные описываются в терминах отсутствия «необходимости» и «интереса».

«Ну, нет необходимости, я так думаю, что это как вот появилась здесь необходимость, пришла на работу, я его быстро освоила. Ну, вот клавиатуру-то я знала. [...] А все остальное я почему-то вспомнила, у меня была ассоциация с метро. Вот это что все написано, куда что как зайдешь — все везде понятно было. [...] Но вот вдаваться уже в более такие подробности, да, или вот осваивать новое у меня нет причины, цели пока нет» (Ж. 62 года).

«А теперь еще и скайп. Какая прелесть. ... Нравится, нравится. Но это выборочно. С подругой я могу поговорить. А с кем-то мне, например, даже и не нужно. Мне не нужно в том смысле, что это зависит от степени близости между нами. Если одноклассник, мне как-то и нет необходимости по скайпу. Я вот напишу ему пару слов. Уже годы же разделяют, уже почти не общаемся. [...] В фотошопе не работаю абсолютно, как-то мне это не нужно» (Ж. 65 лет).

«Ну, есть такие программы, которые не очень сложные и для простой обработки: изменение яркости, например, контрастности или устранение эффекта красных глаз. Ну и не очень серьезные программы. Несравнимые с Photoshop, Photoshop я не овладел. [...] А просто нет необходимости» (М. 70 лет).

Эта рефлексивная избирательность проявляется в использовании Интернета для чтения новостей, поиска информации и электронной почты при отказе или неохотном использовании социальных сетей

и скайпа; использовании ПК для игр при отказе использовать для этих же целей Интернет; в работе с профессиональными программами на домашнем ПК и нежелании использовать дома электронную почту; в буквальном понимании Интернета как телекоммуникации и нежелании (которое является следствием бессмысленности это предприятия) подключать ПК к всемирной сети, поскольку все родственники и знакомые живут в этом же городе, т. е. близко.

«В девяносто восьмом появился у меня вот этот компьютер, ну в основном здесь я занимался только этим, играми, да. [...] Не знаю, меня не прельщает [подключение к Интернету]*. Во-первых, если связываться — не с кем связываться.* [...] *если бы они* [дочери] *были где-то за тридевять земель, то можно было бы и Интернет включить. А здесь они рядом»* (М. 73 года).

«У меня внучка далеко живет. Мы с ней пользуемся электронной почтой, через скайп разговаривать мне некомфортно... я не успеваю печатать и обдумывать то, что мне присылают, поэтому я запросила своих родственников, покажите мне электронную почту» (М. 75 лет).

Пожилые пользователи в своих нарративах присваивают ПК разные значения и, следовательно, принадлежат разным релевантным социальным группам в отношении данного технологического артефакта. В результате можно сказать, что пожилые пользователи ПК пользуются не одним и тем же технологическим артефактом, но несколькими, «частично связанными» [Strathern, 1991] между собой артефактами. Их опыт разнороден и обладает потенциалом сближать их с другими поколенческими группами. Опыт, опосредованный использованием компьютера, будучи разнородным и селективным, имеет возможность связывать людей разных социально-демографических групп и в случае «стариков» обладает потенциалом их активной социализации в современном мире. Например, компьютерные игры вполне могут стать одним из медиумов социации, пересекающей границы поколений.

Заключение

Говоря об импликациях изучения компьютерного опыта пожилых людей для исследований возраста и старения, заметим, что такого рода анализ может способствовать развитию интуиций относительного того, как можно осуществить активное вовлечение представителей третьего возраста в современную социальную жизнь и, возможно, способствовать частичному переопределению старости через виртуальное пространство и электронные медиа.

С другой стороны, данное исследование показывает, что компьютеры изменяют наше восприятие как повседневного, так и социального времени, в том числе старости. В некотором отношении компьютеры могут делать нас моложе или старше. Напри-

мер, молодой человек может ощутить первые признаки старения, когда одновременно обнаружит, что не знает, как пользоваться тем или иным устройством или функцией, и что освоение этого устройства или функции потребует определенного труда. Ввиду этого словосочетание «старые люди» может быть применимо ко всем нам.

Мы неизбежно устареваем на фоне галопирующих технологических инноваций. Технология оказывается медиумом изменений. Технологические инновации подталкивают человека увидеть свою несовременность и, наоборот, способствуют тому, чтобы жить в новом ритме и определять время по другим правилам.

Библиография

Кондратов Б. Ф. *«Третий возраст» и Интернет*. (http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/11 683e3292f61ae2c3 257594 003ec081).

Кононыгина Т. М. (2001) *Расширение информационного пространства как средство развития социально-политической и правовой активности пожилых.* Материалы регионального семинара, Орел: Орловская правда.

Кузнецов А. Г. (2013) *«Медиум Прогресса»: к генеалогии концепта «технология».* В. В Савчук (ред.) *Медиафилософия X. Языки медиафилософии.*, СПб: Изд-во РХГА: 198–227.

Молевич Е. Ф. (2001) *К анализу сущности и формы социальной старости*. Социологические исследования: 61–64.

Савчук В. В. (2012) *Медиа внутри нас. В. В. Савчук (ред.). Медиафилософия VIII. Медиафилософия: междисциплинарное поле исследований: материалы международной летней школы (28–31 августа 2011 г.).*, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества: 25–45.

Смолькин А. А., Трифонова И. В. (2009) *Геронтологические аспекты информационного неравенства.* Сб. статей «Старшее поколение в современной семье», Новгород: НИСОЦ: 413–415.

Смолькин А. А. (2012) *Навыки владения современными компьютерными технологиями у представителей старших возрастных групп как условие их успешной социально-экономической интеграции*. Социология власти, (6–7): 115–136.

Сорокин Г. Г. (2008) *Интеграция в интернет-сообщество в третьем возрасте. Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде.* Труды Всероссийской междисциплинарной научной конференции (Москва, 30 января 2008 г.). М.: Современная гуманитарная академия: 150–158.

Трифонова И. В. (2006) *Информационная поддержка представителей третьего возраста в современном российском обществе. Дис.* ... канд. социол. наук, Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т.

Утехин И. В. *О дизайнерах-вредителях: каково пожилому человеку с компьютером* (http://industry60plus.ru/articles/detail. php? id=1403).

Шапиро В. Д. (1980) *Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни,* М.: Мысль.

Шюц А. (2003) *О множественности реальностей*. Социологическое обозрение, (2): 3–34.

Шиморин С. В. (2011) *Решение проблемы одиночества пожилого человека на основе формирования навыков компьютерной коммуникации, Наро-Фоминск:* Филиал РГСУ в г. Н.-Фоминске.

Bijker W., Pinch T. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology might Benefit Each Other. *Social Studies of Science*, 14 (3): 339–441.

Bijker W. (1995) *Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change*. Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press.

Callon M. (1979) L'État face à l'innovation technique: le cas du véhicule électrique. *Revue française de science politique*, 29 (3): 426–447.

Callon M. (1986) Some elements of a sociology of translation. John Law (ed.) *Domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay. Power, Action and Belief: a New Sociology of Knowledge,* London: Routledge & Kegan Paul: 208.

Callon M. (1987) Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis. Wiebe E. Bijker, Trevor Pinch, Thomas Hughes (eds) *The Social Construction of Technological Systems,* Cambridge, Mass.: MIT Press: 83–103.

Czaja S. J. (1993) Computer Communication as an Aid to Independence for Older Adults. *Behaviour and Information Technology,* 12 (4): 197–207.

Furlong M. (1995) Cyber Seniors: Technology as a Means, Not an End to Online Community. *Digital Media*, 5: 27–29.

Kanayama T. (2003) Ethnographic Research on the Experience of Japanese Elderly People Online. *New Media & Society,* 5 (2): 267–288.

Kline R. Pinch T. (1996) Users as Agents of Technological Change: The Social Construction of the Automobile in the Rural United States. *Technology and Culture,* 37 (4): 763–795.

Latour B. (1988) Irreductions. *The Pasteurization of France,* Cambridge: Harvard University Press: 153–239.

Latour B. (1991) Technology is society made durable. J. Law (ed.). *A Sociology of Monsters: Essays On Power Technology And Domination*. London; N. Y.: Routledge, P. 103–132.

Latour B. (1996) *Aramis, or the Love of Technology,* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Law J., Callon M. (1988) Engineering and Sociology in a Military Aircraft Project: A Network Analysis of Technological Change *Social Problems*, 35 (3): 284–297.

Morris J. M. (1994) Computer Training Needs of Older Adults. *Educational Gerontology,* 20: 541–555.

Oudshoorn N., Pinch T. (eds) (2005) *How users matter*: *the co-construction of users and technologies,* Cambridge: MIT Press.

Richardson M., Weaver C. K., Zorn T. E, Jr. (2005) Getting on: older New Zealanders' perceptions of computing. *New Media and Society,* 7: 219–245.

Robinson J. P., Kestnbaum M. (2003) Time Use and Internet. K. Christensen, D. Levinson (eds). *Encyclopedia of Community: From the Village to the Virtual World,* Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc.: 789–792.

Shaping Technology. Building Society: Studies in Sociotechnical Change (1994). Wiebe E. Bijker, J. Law (eds), Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press.

Strathern M. (1991) *Partial Connections*, Savage, Maryland: Rowman and Littlefield.

Technology for Adaptive Aging (2004) R. Pew, S. Van Hemel (eds), Washington, D. C.: National Academies Press.

The Social Construction of Technological Systems (1987) E. Wiebe Bijker, T. Pinch, T. Hughes (eds), Cambridge, Mass.: MIT Press.

Timmerman S. (1998) The Role of Information Technology in Older Adult Learning. *New Directions for Adult and Continuing Education,* 77: 61–71.

White H., McConnell E., Clipp E. et al. (1999) Surfing the Net in Later Life: a Review of the Literature and Pilot Study of Computer Use and Quality of Life. *Journal of Applied Gerontolog,* 18 (3): 358–378.

Williams R. (2000) All That Is Solid Melts into Air: Historians of Technology in the Information Revolution. Technology and Culture, 41 (4): 641–648.

Woolgar S. (1991) The Turn to Technology in Social Studies of Science. *Science, Technology & Human Values,* 16 (1): 20–50.

References

Bijker W. (1995) *Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change*. Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press.

Bijker W., Pinch T. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology might Benefit Each Other. *Social Studies of Science,* 14 (3): 339–441.

Callon M. (1979) L'État face à l'innovation technique: le cas du véhicule électrique. *Revue française de science politique*, 29 (3): 426–447.

Callon M. (1986) Some elements of a sociology of translation. John Law (ed.) *Domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay. Power, Action and Belief: a New Sociology of Knowledge,* London: Routledge & Kegan Paul: 208.

Callon M. (1987) Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis. Wiebe E. Bijker, Trevor Pinch, Thomas Hughes (eds) *The Social Construction of Technological Systems,* Cambridge, Mass.: MIT Press: 83–103.

Czaja S. J. (1993) Computer Communication as an Aid to Independence for Older Adults. *Behaviour and Information Technology,* 12 (4): 197–207.

Furlong M. (1995) Cyber Seniors: Technology as a Means, Not an End to Online Community. *Digital Media*, 5: 27–29.

Kanayama T. (2003) Ethnographic Research on the Experience of Japanese Elderly People Online. *New Media & Society,* 5 (2): 267–288.

Kline R. Pinch T. (1996) Users as Agents of Technological Change: The Social Construction of the Automobile in the Rural United States. *Technology and Culture,* 37 (4): 763–795.

Kondratov B. F. «Tretij vozrast» i Internet [Third age and the Internet]. (http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag. nsf/BPA/11 683e3292f61ae2c3 257 594 003ec081).

Kononygina T. M. (2001) Rasshirenie informacionnogo prostranstva kak sredstvo razvitija social'no-politicheskoj i pravovoj aktivnosti pozhilyh [Expansion of the information space as a means of socio-political and legal activity of older people]. Materialy regional'nogo seminara, Orel: Orlovskaja pravda.

Kuznecov A. G. (2013) «Medium Progressa»: k genealogii koncepta «tehnologija» [Meduim of Progress: towards a genealogy of «technology» concept]. V. V Savchuk (red.) Mediafilosofija 10. Jazyki mediafilosofii [Mediaphilosophy 10: Languages of mediaphilosophy]., SPb: Izd-vo RHGA: 198–227.

Latour B. (1988) Irreductions. *The Pasteurization of France,* Cambridge: Harvard University Press: 153–239.

Latour B. (1991) Technology is society made durable. J. Law (ed.). *A Sociology of Monsters: Essays On Power Technology And Domination*. London; N. Y.: Routledge, P. 103–132.

Latour B. (1996) *Aramis, or the Love of Technology,* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Law J., Callon M. (1988) Engineering and Sociology in a Military Aircraft Project: A Network Analysis of Technological Change *Social Problems*, 35 (3): 284–297.

Molevich E. F. (2001) K analizu sushhnosti i formy social'noj starosti [Towards analysis of nature and form of social old-age]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological Studies]: 61–64.

Morris J. M. (1994) Computer Training Needs of Older Adults. *Educational Gerontology,* 20: 541–555.

Oudshoorn N., Pinch T. (eds) (2005) *How users matter*: *the co-construction of users and technologies,* Cambridge: MIT Press.

Richardson M., Weaver C. K., Zorn T. E, Jr. (2005) Getting on: older New Zealanders' perceptions of computing. *New Media and Society,* 7: 219–245.

Robinson J. P., Kestnbaum M. (2003) Time Use and Internet. K. Christensen, D. Levinson (eds). *Encyclopedia of Community: From the Village to the Virtual World,* Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc.: 789–792.

Savchuk V. V. (2012) Media vnutri nas. [Media are inside us]. V. V. Savchuk (red.). Mediafilosofija VIII. Mediafilosofija: mezhdisciplinarnoe pole issledovanij [Mediaphilosophy VIII. Mediaphilosophy: An interdisciplinary field of study]: materialy mezhdunarodnoj letnej shkoly (28–31 avgusta 2011 g.)., SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshhestva: 25–45.

Shaping Technology. Building Society: Studies in Sociotechnical Change (1994). Wiebe E. Bijker, J. Law (eds), Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press.

Shapiro V. D. (1980) Chelovek na pensii: social'nye problemy i obraz zhizni [People in retirement: social problems and lifestyle], M.: Mysl'.

Shimorin S. V. (2011) Reshenie problemy odinochestva pozhilogo cheloveka na osnove formirovanija navykov komp'juternoj kommunikacii [Solution to the problem of loneliness of an old man on the basis of the formation of computer communication skills], Naro-Fominsk: Filial RGSU v g. N.-Fominske.

Shjuc A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostej [On multiple realities]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], (2): 3–34.

Smol'kin A. A. (2012) Navyki vladenija sovremennymi komp'juternymi tehnologijami u predstavitelej starshih vozrastnyh grupp kak uslovie ih uspeshnoj social'no-jekonomicheskoj integracii [Skills with contemporary computer technology in the older age groups as a condition for their successful socio-economic integration]. Sociologija vlasti [Sociology of power], (6–7): 115–136.

Smol'kin A. A., Trifonova I. V. (2009) Gerontologicheskie aspekty informacionnogo neravenstva [Gerontological aspects of the digital divide]. Sb. statej «Starshee pokolenie v sovremennoj sem'e» [The older generation in contemporary family], Novgorod: NISOC: 413–415.

Sorokin G. G. (2008) Integracija v internet-soobshhestvo v tret'em vozraste [Integration in the online community in the third age]. Tretij vozrast: starshee pokolenie v sovremennoj informacionnoj srede [Third age: The older generation in contemporary information environment]. Trudy Vserossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 30 janvarja 2008 g.). M.: Sovremennaja gumanitarnaja akademija: 150–158.

Strathern M. (1991) *Partial Connections*, Savage, Maryland: Rowman and Littlefield.

Technology for Adaptive Aging (2004) R. Pew, S. Van Hemel (eds), Washington, D. C.: National Academies Press.

The Social Construction of Technological Systems (1987) E. Wiebe Bijker, T. Pinch, T. Hughes (eds), Cambridge, Mass.: MIT Press.

Timmerman S. (1998) The Role of Information Technology in Older Adult Learning. *New Directions for Adult and Continuing Education,* 77: 61–71.

Trifonova I. V. (2006) Informacionnaja podderzhka predstavitelej tret'ego vozrasta v sovremennom rossijskom obshhestve [Information support of representatives of the third age in contemporary Russian society]. Dis. … kand. sociol. nauk, Saratov: Sarat. gos. tehn. un-t.

Utehin I. V. O dizajnerah-vrediteljah: kakovo pozhilomu cheloveku s komp'juterom [On designers-saboteurs: how it is to be an elderly person and to use computer] (http://industry60plus.ru/articles/detail. php? id=1403).

White H., McConnell E., Clipp E. et al. (1999) Surfing the Net in Later Life: a Review of the Literature and Pilot Study of Computer Use and Quality of Life. *Journal of Applied Gerontolog,* 18 (3): 358–378.

Williams R. (2000) All That Is Solid Melts into Air: Historians of Technology in the Information Revolution. Technology and Culture, 41 (4): 641–648.

Woolgar S. (1991) The Turn to Technology in Social Studies of Science. *Science, Technology & Human Values,* 16 (1): 20–50.